

На восточном порубежье

1 книга

Афанасий Шестаков

Сергей Жук

Сергей Жук
На Восточном порубежье.
Книга 1. Афанасий Шестаков.
Исторический роман

*<https://litres.ru/73556096>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Описанные в романе события, не вымысел автора, основанный на каком либо историческом факте, а сами события, воссозданные из множества первоисточников и работ уважаемых историков. Поверти! Сочинительства в данном произведении крайне мало. Приходиться лишь удивляться, до какой степени переплетены судьбы людей, а сами события тех лет наполнены драматизмом. Содеянное в первой половине восемнадцатого века, уже готовый романтический сюжет, насыщенный героями, интригами, приключениями и мистикой.

Сложность работы автора состоит лишь в том, чтобы за всем этим информационным потоком, разглядеть человеческую личность и объяснить его поступки. Это крайне сложно, ведь дошедшая до нас информация противоречива и несет отпечаток интересов, характера самого сочинителя и отправителя.

Все основные события романа происходят на Чукотке и Камчатке. Эти земли относятся к интереснейшим и очень противоречивым уголкам России. Наиболее близкие друг к другу территориально они весьма разнятся во всех отношениях.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Жук
На Восточном
порубежье. Книга 1.
Афанасий Шестаков.
Исторический роман

Глава первая

Северная Пальмира

“Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностью подражали ему во всём, что только не требовало нового вдохновения”.

А. С. Пушкин

1

Этот рассказ начинается осенью 1724 года. Осень и ныне, не лучшее время года для Северной столицы. Ветер и непрерывный дождь превращают яркие осенние краски в полутона. А тогда, в те времена, было и того паче! Природный ландшафт устья Невы уже стёрт с лица земли великим реформатором, уже исполинские каменные дворцы на века застыли во всей своей красе, но до гранитных мостовых, ажурных мостов и цветущих, благоухающих парков было ещё далеко. К тому же дождливая промозглость, студёный, доносящийся с Финского Залива ветер так и не стали привычными для жителей Северной Пальмиры, а потому изрядно портили им настроение.

Но среди столичного многолюдства был человек, которо-

го восхищало всё и особенно именно многолюдство русичей, что тысячами сновали вокруг, не обращая на него никого внимания. Был то не праздный простолюдин, а казачий голова Якутского острога Афанасий Федотович Шестаков.

Не молод уже казак, пятый десяток на исходе. За время службы, хотя и не занимался лихоимством, как другие, а всё же скопил для себя соболью казну, причём не малую. Всю жизнь в Сибири службу нёс, правда, в особливые чины не вышел. Теперь можно, конечно, и в отставку подаваться, на печи бока греть да с наложницей – иноземкой услаждаться; так нет – как усидишь, коль мыслей да планов в голове громадьё. Якутские зимы долгие, времени поразмыслить о житие-бытие предостаточно. Великие прожекты по обустройству самых окраинных, диких и неведомых, земель Чукотки, Камчатки и других заморских далей, не дают покоя казаку.

Хоть и не обучался казачий голова в академиях, но грамоте сподобился. Более того, скопил целый сундук записей, карт, планов, и собственные предложения отписаны им ясно и толково.

Охота пуще неволи! Вот и собрал свои пожитки Афанасий Шестаков, и отправился из Якутска в стольный град Петра. Ведь что примечательно и в большой ныне редкости: подался в путь сей казак не из-за собственной корысти, а за ради государевой пользы и всего края того восточного. Замахнулся Афанасий попасть к самому императору Петру Алексеевичу. Да и почто сомневаться: всегда на слуху было, сколь

интересны Петру эти земли! И еще ведомо Афанасию, что о краях тех, у нынешних сенаторов и ученого люда, знаний и понятий нет вовсе.

В поддержку инициативы казачьего головы якутский воевода, лейб-гвардии капитан Михаил Измайлов – можно даже сказать, советник и сторонник Шестакова – перед отъездом того в стольный град сообщил в Сенат следующее: «Якутские казаки находят на восточных и северных морях и около Камчатской земли многие острова, иные пустые, другие многолюдные, а в Анадырском и других носах и в прилегающих к российским владениям землях еще имеются многие непокоренные под российскую державу иноземцы».

Дальше Тобольска Афанасию бывать не приходилось. Сюда от Якутска быстрее, чем за два года, не добраться. Но вот то, что от Тобольска до Санкт-Петербурга ходу ещё несколько месяцев, стало для него неожиданностью. Добро то, что соболей в достатке скопил и в дороге не бедствовал.

Поистрепался одежей за дорогу Афанасий, но, слава богу, добрался до Северной Пальмиры живым и здоровым, что нельзя было сказать о российском императоре. Занедужил аккурат к приезду якутского головы неугомонный правитель, отошёл от дел, переложив их на Сенат да сподвижника своего Александра Даниловича Меншикова.

Ох, и хлебнул горя поначалу Афанасий Шестаков, пока не свыкся с местной модой и нравами. Кургузый сюртук на его кряжистой фигуре смотрелся карикатурно, парик и штибле-

ты на толстой подошве — сплошное неудобство, а от коротких портов и чулок казак и вовсе чуть со стыда не сгорел. Но ничего не поделаешь: таков ныне этикет, тем паче, что лишь в сем скоморошьем виде пускают в присутственные места. Ладно, что от чулок и штиблетов все же отбился, заменив их длинными ботфортами. Пришлось-таки побывать и у брадобрея. Тот, уже привыкший к сей мужичьей проблеме, сам предложил компромиссный вариант, оставив усы и основательно укоротив бороду. Однако, если откинуть все предрассудки, Афанасий стал выглядеть моложе и импозантнее. А когда ещё пообвыкся, даже заменил соболью папаху и шубу на модную треуголку и плащ, избавив себя таким образом от завистливых взглядов местных обывателей.

Не так ли и Петр Великий некогда затащил силком Русь в богатую европейскую лавку и давай на неё напяливать всё подряд — лишь бы ярко да ново. Что уж совсем не лезло, пришлось отбросить, а всё остальное — будьте добры! Стерпится — слюбится.

2

Отставной казачий голова гостевал в доме вдовой купчихи на Литейном. Та держала скобяную лавку в жилом районе, застроенном деревянными домами, где проживали служащие и рабочие Литейного двора. Место ладное, люд всё более трудовой да служивый. По-первости, хозяйка много

пытала Афанасия. Что да как? Пока все не разузнала. А разузнав, успокоилась и даже осталась довольной. Постоялец оказался вдовый: прибрал господь его жёнку во время первых родов, сохранив наследника. Своими стараниями да с мирской помощью поставил вдовец сына на ноги. Теперь тот уже мужик, сам служилый казак в Якутске.

Купчиха Авдотья Марковна, цену за постой назначила малую, правда, обязав казака следить за порядком в лавке и пресекать всяческое воровство. Своим-то служакам молодуха не доверяла: побаивалась душегубства, а тут казачий голова на постой пожаловал, да еще по протекции сродного брата, что нынче служит приказчиком в далеком Сибирском остроге.

Худо ли, бедно, но обвыкся Афанасий Федотович Шестаков на новом месте, притерпелся к многолюдству и со столичными нравами смирился. Еще Якутский воевода, лейб-гвардии капитан Михаил Петрович Измайлов, разъяснил Афанасию, что челобитную надобно подавать в Кабинет Его Императорского Величества; а кабинет сей Петр, Алексеевич держит, как правило, возле себя. От служащих Литейного двора узнал голова, что царь нынче пребывает в Зимнем дворце на набережной Невы: по причине недуга более нигде не появляется.

Шёл январь 1725 года: миновали новогодние праздники, Рождество Христово. ... На сей раз в стольном граде обошлись без фейерверков и ассамблей: государь болел, стра-

дая тяжко, – в меру по грехам своим – и Северная Пальмира пребывала в унынии.

Для бывшего Якутского головы это был первый выход в центр Санкт-Петербурга. Прямо скажем, поступок не шуточный по смелости и исключительный по силе впечатлений, особенно если вспомнить сибирские корни Афанасия, его службу в самых удаленных острогах.

Пройдя вдоль Литейного, по прилегающим к нему улочкам и переулочкам, Шестаков оказался на Невском проспекте, чаще именуемом на итальянский манер – Невская першпектива. В тот год строительство здесь кипело, и по размаху его можно было судить о грандиозном замысле зодчих.

Много необдуманных, а то и жестоких деяний на счету Петра Великого, заслуживших самое суровое осуждение; но вот, пожалуй, за что никогда не будут на него роптать потомки, так это за воздвигнутый город на Неве. Не ошибся Петр, выбирая при застройке северной столицы итальянское направление в архитектуре – изящное, сдержанное, гармонично сочетающееся с православием, русской духовностью и суровостью климата. Хотя не всё задуманное царём – новатором осуществилось. Можно даже сказать – к счастью. К примеру, его неумное желание заставить горожан перемещаться исключительно по каналам и рекам вместо того, чтобы наводить мосты.

В молодые годы государю довелось много колесить по Европе, но более всего впечатлили его Венеция и Амстердам.

Вот и решил своенравный Петр, что новая российская столица будет чем-то средним между теми городами, а жителей он непременно приучит к плаваниям, прежде всего, под парусами.

Правда, с Амстердамом ничего не вышло: как то не получилось совместить узкие кривые улочки, каменные холодные строения с остроконечными шпилями и широкую русскую душу, требующую прямолинейности и простора. Одним словом, в Петербурге наличествует величие свободного пространства, напрочь отсутствующее в крошечной Голландии. Зато Венеция своими традициями, творчеством несравненных итальянских архитекторов Доменико Трезини, Бартоломео Франческо Растрелли, Георга Иоганна Маттарнови внесла богатую лепту в облик русской северной столицы.

Многих поэтических эпитетов удостоена Венеция: Серениссима, что означает Светлейшая, Жемчужина Адриатики, Южная Пальмира. И Санкт-Петербург заслуженно стали называть Северной Пальмирой.

3

Невская перспектива глянулась Афанасию своей шириной и прямолинейностью. Иноземное слово «перспектива» все более нравилось Афанасию, оттого оставим сию транскрипцию и далее, в знак уважения заслуженного Якутского головы!

– Да! То конечно перспектива! – Сам для себя сделал вывод казак. – Наша улица узкая да кривая, как змейка. А тут во как!

Действительно, Невский, став главными городскими воротами города с Новгородского направления, стрелой устремился в самое сердце Санкт-Петербурга, в Адмиралтейство. Ныне закончили мостить перспективу булыжником от центра до реки Фонтанки, возвели через неё как нельзя, кстати, мост – большая всё ещё редкость для города.

Невский застроился дворцами с особой поспешностью: все же подальше от воды русскому человеку сподобнее. Во всей своей первозданной красе поднялись Казанский и Исаакиевский соборы. Подобного чуда великого Афанасию не только не приходилось видеть, но даже о существовании его на Руси он не подозревал.

Несколько искусственных каналов, словно прочерченные по линейке, пересекали Невскую перспективу. Летом по водной глади снуют всевозможного вида малые суда, а сейчас скованные льдом каналы сами по себе – удобная переправа для пешеходов.

– Видимо, прорыты для обороны от врага, – рассудил Афанасий, – но и для сброса талых вод пригожи будут.

Печата шаг, по мостовой прошёл отряд гвардейцев. Дюжие хлопцы, затянутые в добротные суконные мундиры, топали весело, с огоньком, бравирюя выправкой перед девками и праздными зеваками. На плече у каждого гвардейца висели

новенькие ружья неведомой Афанасию системы. Он последовал за отрядом гвардейцев, свернувших к дворцу на Мойке. Здесь они остановились и в ожидании дальнейших приказов закурили трубки, по последней гвардейской моде.

– Извиняйте, господа гвардейцы, за любопытство, – приблизившись к ним, заговорил Афанасий. – Вразумите, что за самопалы такие невиданные.

– Во темень! – засмеялись гвардейцы. – Ты что, с Урала приехал?

– Ох, братцы, еще далее, из Якутской да Анадырской земли, – вздохнув, отвечивал отставной казачий голова.

Услышав незнакомые названия, гвардейцы поутихли, а один из них пояснил:

– Это, дядька, фузеи с кремневым замком, а штык, глянь, трехгранный! Смекаешь?

– Как, сынок, не смекать, если у меня три раны имеются от трехгранных наконечников, коими якуты попотчевали.

Афанасий Шестаков со знанием дела разглядывал оружие гвардейцев, закончив осмотр, заметил:

– А у нас, в острогах по сей день фитильные самопалы в ходу, о таких фузеях даже не ведаем. Чьи же это хоромы будут, не самого ли императора? – полюбопытствовал Шестаков.

– Нет, Петр Алексеевич ныне в Зимнем дворце – недалече отсюда – обитает, болезный; а это дворец князя Меншикова, его сотоварища. Вон, глянь, карета светлейшего из ворот

выезжает.

Из ворот под охраной конных уланов выкатилась рессорная карета и, громыхая по мостовой железными ободами, покатила в сторону Адмиралтейства.

– Опять понесла нелегкая чертяку, – выругался кто-то из прохожих, добавив сердцах, – небось к своему антихристу – императору? Тьфу! Будь оба неладны!

Удивленный Афанасий закрутил головой в поисках злобного врага государя, и даже был готов со всей поспешностью схватить его, но тот уже успел скрыться в толпе, мелькнув то ли мужичьим зипуном, то ли монашеским рубищем.

Скоро Шестаков достиг Зимнего дворца, красующегося на берегу Невы. За сегодняшний день Афанасию довелось увидеть много дивных хором, но дворец ему глянулся особо, ведь, то была хата самого императора Петра Алексеевича.

Фасад дворца был украшен причудливыми лепными фигурами, боковые симметричные строения увенчаны двухъярусными высокими крышами, примыкающими к более высокому центральному зданию с четырьмя коринфскими колоннами. Дворцовая набережная с деревянным настилом от воды была ограждена каменными перилами и украшена затейливыми скульптурными группами. В нескольких местах сквозь ограду были устроены лестничные спуски к воде. С другой стороны к дворцу, примыкал небольшой сад с фонтаном, устроенном на пересечении диагональных дорожек. Там Афанасий разглядел крошечную гавань, соединенную

каналом с руслом реки. Сей канал, выяснилось, именовался Зимней канавкой и был оборудован подъемным деревянным мостом.

Но вот подойти к дворцу ближе, тем более, к входу не было никакой возможности. Караульные – гвардейцы Преображенского полка пропускали только членов императорской семьи и наиболее приближенных вельмож.

– Эко собралось родственников у императора. Даже племянница Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская, пожаловала. Этак и места в царских хоромы на всех не хватит!

Афанасий, затесавшись в толпу зевак, с интересом прислушивался к их замечаниям, и наблюдал за происходящим.

– Тяжко страдает император! Сказывали, что ночью его крик на набережной был слышан.

– По грехам и страдания! Сколь люду загубил, сколь глумился над верою нашей!

– Гвардейцев вокруг Зимнего собралось поболее, чем в Петропавловской крепости солдат!

– То Меньшиков окружил дворец стражей. Боится светлейший власти лишиться.

Внимание Афанасия Шестакова привлекла оживлённая, явно чем-то озабоченная группа людей. Оказалось, из дворцовой прислуги. Спустившись на лед ближнего пруда, мужики принялись его колоть, спешно выбрасывая куски на берег. К ним присоединились большим числом гвардейцы, и скоро пруд около гавани, Дворцовая канавка и даже часть Невы

вдоль набережной были очищены ото льда. В гавани спустили на воду небольшой шестивесельный бот.

– Что происходит? – полюбопытствовал Афанасий у одного из гвардейцев.

– Петру Алексеевичу полегчало! – радостно сообщил солдат. – Может пожелать по воде прогуляться, вот и велели лед взломать. А тебе чего надобно? Гляжу, давно уже здесь толкаешься.

– Мне бы, браток, в Кабинет Его Императорского Величества челобитную подать. Может, подсобишь, а я уж отблагодарю!

– Во дворец сейчас лишь по личному приказу князя Меншикова пускают, – засмеялся служивый. – Да и не к чему тебе сюда: съехала канцелярия.

– А мне теперь куда податься, и далеко ли она, комиссия, съехала? – растерялся Афанасий.

– Шут её знает! Ты бы лучше ступал отсель. Тревожно ныне здесь. Вон, видишь, офицер наш идёт, а мы тут лясы точим. Враз взашей надаёт.

И действительно, по аллее сада вышагивал молодой офицер. Сразу было видно, что взашей давать он никому не собирается, так как весь светился радостью жизни и здоровьем. То был поручик лейб-гвардии Семеновского полка Алексей Яковлевич Шубин. Наскучив сидеть в караулке, поручик вышел размяться. Заметив, что его гвардейцы разговаривают с посторонним, решил сделать замечание более от безделья,

нежели по уставу службы.

– Почему у дворца посторонние? – строго спросил он.

– Тут казак спрашивает, где ныне искать императорскую канцелярию. Челобитную ему треба подать, – доложил гвардеец.

Шубин развернулся лицом к Афанасию и долгое время с любопытством рассматривал явно издалека приехавшего ходатая.

Было видно, что оба довольны первым впечатлением, произведённом друг на друга. А невидимые, неизведанные, судьбоносные ниточки уже связали этих людей.

Алексей Шубин, высокий, светло-русый, голубоглазый, воплощал собой здоровье и оптимизм. При взгляде на таких красавцев, добросердечных и жизнерадостных, у окружающих поднимается настроение, а у женщин к тому же возникает душевное томление. И пусть не все эти мужчины – самые обаятельные и привлекательные – блещут умом, зато своей открытостью, умением блистать в обществе доставляют окружающим только радость.

Шубина – бодрящегося, но всё-таки усталого немолодого казака, просоленного морскими водами, закалённого северными ветрами и морозами – Алексей воспринял как человека явившегося из другого мира. Ну никак он не вписывался в рамки дворцового этикета. От него, несмотря на новый столичный наряд, словно исходил дух свежий и дикий, тот дух, что терпок и одновременно сладок. В его поведении и намё-

ка не было на суетливость, уже отравила столичных жителей.

— На Васильевском острове ищи канцелярию. Бумаги велено было свезти в новой здание, где ныне коллегии обосновались и сенат заседает, — доброжелательно пояснил поручик и полюбопытствовал. — А ты сам кто будешь?

— Из Сибирской губернии, Афанасий Шестаков буду. Казачий голова Якутского острога, что на реке Лена стоит. Слыхали?

— Нет, браток, не слыхал, — задумчиво произнес Алексей Шубин.

Неожиданно ему стало грустно, и защемило в груди. Он даже удивился столь необычным для него ощущениям.

— Припоздал ты, казак, с прошением. Ныне время тревожное, Петр Алексеевич хворает шибко, не до тебя ему. Да и все как с ума походили. Ступай с богом!

Более им встретиться в жизни не доведется, но их судьбы соединились крепко и последуют одна за другой, обречённые на великие испытания.

Мимолетное дуновение грусти у Алексея Шубина развеялось тут же, как вспомнилась милое сердцу чело царевны Елизаветы Петровны. После последней ассамблеи, устроенной Петром на рождество, где он и Елизавета так ловко отплясывали всяческие менуэты, кадрили, а потом и русскую, их отношения получили бурное продолжение. Вот уже более месяца он пылает любовью к прелестной и легкомысленной царевне. Страсть слилась воедино с ответной, не менее

обильной и радостной, так что все происходящие вокруг события для молодых людей казались пустой суетой по сравнению со всё разрастающимся их взаимным чувством . Елизавета даже сочинила стихи и подарила их Шубину. Теперь листок с рифмованными строками, написанными ее рукой, он хранит всегда возле сердца.

Всякий рассуждает, как в свете б жить,
А недоумевает, как с роком бы быть:
Что така тоска и жизнь не мила,
Когда друг не зрится, лучше б жизнь лишиться
Вся-то красота.
Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем я болею, да чем пособить,
Что всегда разлучно и без тебя скучно,
Легче б ты не знати, нежель так страдати
Всегда по тебе.

И то правда, не было причин горевать поручику лейб-гвардии. Елизавета – прелестное создание; и хотя её высокое положение и вносит определенные нюансы в их отношения, зато повышает в свете к ним интерес, да и статус поручика в офицерской среде сразу подрос.

стаков продолжил поиски канцелярии. Да и как иначе, если обязанностей по хозяйству становится все более, а в отношениях с хозяйкой Авдотьей Марковной наметились серьезные перемены. В постояльце она души не чаяла, люб оказалась якутский казак, да и без мужика и наследников сгинет её хозяйство. Вот и замыслила окрутить мужика. Дюж еще сибиряк: враз бабу обрюхатил, не в обиду, будь сказано, усопшему муженьку.

Авдотья, баба еще молодая, рожать в самую пору, а Афанасий, хоть и в годах, но под венцом не хаживал, всё бобылем на службах маялся. Чем не пара? Если говорить об Афанасии, то ему Авдотья тоже люба, и тёплая, сытая жизнь сладка оказалась.

– Не буду мешать Афанасию, – рассудила баба. – Пушай со своими прожеками побегаёт. Знаем мы наших сенаторов: до них не достучаться. Умается, любый, да успокоится.

На Васильевский остров добраться – задача серьезная. Движение по городу, изрытому каналами, крайне затруднительно. Впрочем, сами каналы и реки, скованные льдом, представляются Афанасию Шестакову наилучшими дорогами: уж где-где, а в Сибири к ним привыкаешь, там, кроме них, ничего более и нет.

Привычно запряг казачий голова в сани хозяйскую саврасую кобылу – и ходу.

Миновав улочками и переулками Литейный, саврасая вынесла сани на лед Фонтанки. Повеселел Афанасий: это тебе

не пешком по незнакомому городищу шастать. Там только и гляди, чтобы не заплутать, или от ямщика проезжающей кареты кнута не схлопотать. Лед, конечно, не как в Сибири – жидковат, но ничего, сани держит.

Скоро с левой стороны потянулся сказочной красоты лес. Афанасий сразу смекнул, что это сад – летняя резиденция царей. Вон и здание дворца просматривается. Поскромнее и меньше Зимнего будет, но столь же ухожен, и в окружении сада смотрится дивно.

Миновав Летний сад, казачий голова выехал на лед Невы напротив Петропавловской крепости и вдоль уже знакомой Дворцовой набережной направился к Васильевскому острову. Пospешая, Афанасий даже не обратил внимания на то, что карет и гвардейцев возле Зимнего дворца стало еще более.

Приблизившись к Васильевскому острову, он сразу разглядел длинное здание в три этажа. Строительство его еще продолжалось, но в готовой части чувствовалась жизнь. Редкие сани и скромные повозки свидетельствовали о малолюдстве. И действительно, зайдя в здание, Афанасию Шестакову пришлось долго хаживать по коридорам, прежде чем отыскал достойного внимания службу.

– Мне бы кого из дьяков или приказчиков. Челобитную треба подать императору Петру Алексеевичу, – молвил он.

Служка высокомерно глянул на Афанасия и с достоинством молвил:

– Ныне в коллегии я за старшего. Господа сенаторы отсутствуют, и другие чины в трауре по домам пребывают.

– Что же такое стряслось, подскажи, браток, а то не ведаю! – теряясь, спросил Афанасий.

– Государь наш, Император Российский Петр Алексеевич скончался вчерашнего дня, – торжественно и громко произнес служка. – А вы убирайтесь от сюда: не велено кого пускать, при мне даже солдат при оружии состоит, враз его кликну.

Служка разошелся не на шутку, с каждой минутой все более осознавая свою значимость, и главное, поджилками чуя возможность поживиться.

– Ты уж извиняй, если что не так, но дело у меня важное и любопытное для государева достатка. Доношу о землях невиданного богатства и народах немирных, что государевой власти чураются. Пособи мне в деле сем. Чтобы исправно попала моя отписка в государеву канцелярию, а я уж в долгу не останусь. Глянь, какие соболя припас для такого дела.

Афанасий достал из мешка вязанку соболиных шкурок. Темный мех расстелился волной и засверкал. От сей невиданной красоты служка просто обомлел: таких подарков он в жизни не видывал.

– Справим! Все достойно справим! Прощения прошу, как вас величать прикажите? – залебезил приказной служка.

– Ежели полностью, то Афанасий Федотович Шестаков буду. Служил в Якутске казачьим головою.

Надо отдать должное нашему канцелярскому работнику, что к делу он отнёсся со всем вниманием. Тщательно заполнив журнал, приложил грамоты и карты, представленные Шестаковым, и выдал ему расписку с печатью канцелярии. По ней можно всегда справиться о судьбе дела. Он даже в специальной графе сделал пометку о наивысшей важности, не забыл вписать и адрес, где прибывает податель сих бумаг.

Но несмотря на все старания, бумаги надежно и надолго примостились среди груды других прошений, а Афанасий, набравшись терпения, отправился на Литейный, неожиданно - нежданно ставший его домом.

5

Петр Алексеевич скончался 28 января 1725 года, не оставив после себя завещание. Забыв о делах, петровские последователи во главе со светлейшим князем Александром Даниловичем Меншиковым принялись за обустройство новой власти, в результате которого владычицей Руси, Императрицей была провозглашена вторая жена Петра, Екатерина I. Следом члены победившей партии начали делить портфели, звания, награды и прочее, запамятавав, по сути, о государственных делах.

Начинаниям Шестакова, как и многим другим, не имевшим поддержки сильных мира сего, суждено было в те годы пребывать в забвении и отправиться в архив. Челобитная

Афанасия Федотова при везении стала бы лишь достоянием исследователей последующих поколений, если бы не его величество случай.

Скучающий от безделья секретарь Сената Кирилов Иван Кириллович, будучи далеким от придворных интриг, бродил по комнатам здания Двенадцати коллегий. Геодезиста и географа по образованию, его в настоящее время интересовала судьба Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга.

Напомним: 23 декабря 1724 года Петр подписал указ о снаряжении экспедиции для изучения тех мест, где Азия сошлась с Америкой. Выполняя царскую волю Беринг сотоварищи 24 января 1725 года покинули Санкт Петербург и отправились курсом через Сибирь в Охотск. Оттуда собирались морем попасть на Камчатку и далее совершить плавание на судах в поисках пролива между материками. Заметьте, за несколько дней до смерти Петра. Теперь их судьба занимает Кирилова более других.

Минуло полгода, а от первопроходцев ни слуху, ни духу. Убедившись в том в очередной раз, Иван Кириллович зашёл в кабинет, где после кончины Его Императорского Величества скопилось множество бумаг, ждущих своей участи.

Листая журнал, Иван Кириллович обратил внимание на регистрационную запись челобитной некоего Якутского головы, а более – на название мест: Чукотский нос, Анадырский Залив, Камчатка. Без затруднения отыскал остальные бумаги Афанасия Шестакова, среди которых обнаружил ру-

кописную карту тех земель.

Бегло взглянув на неё, первый географ государства Российского к своему крайнему удивлению увидел очертания земель, ему неведомых, на поиски которых и направилась экспедиция Витуса Беринга. Начертав в журнале резолюцию, согласно которой челобитная должна быть отправлена в Сенат, Иван Кириллович удалился, забрав с собой все рукописи Шестакова. ОТ

«Удивительные дела творятся подчас, – рассуждал он дорогой. – Появись этот казак на полгода ранее, для экспедиции Беринга куда как способнее было. Хотя о чем я?! У нас зачастую при одной голове, правая рука и не ведает, чего творит левая. Посоветуюсь с вице-адмиралом Сиверсом. Он сейчас человек влиятельный, на место Апраксина метит, а именно у Адмиралтейства главный интерес к восточным и северным морям. Может, еще сгодится казак со своими планами замирения тамошних народов. При подготовке экспедиции Беринга то, что на северо-востоке проживает некий незамиренный народ чукчи, и в расчет не брали. Мало ли по Сибири диких инородцев балует!»

Между тем время бежало быстро, а вот дела не поспешали. Летом 1726 года челобитная Афанасия Шестакова продолжала пылиться в Сенате, не то чтобы забытая, а в ожида-

нии своего часа.

Сам казачий голова продолжал обитать на Литейном. Авдотья оказалась бабой расторопной: этому времени успела родить девочку и повенчаться с Афанасием. Сии дела на Руси делаются куда проворнее, нежели государственные. Сам Афанасий не противился судьбе, раздобыл, приобрел лоск столичного купчины и лишь изредка, более для солидности, отправлялся в Сенат проведать о делах, где получал один и тот же ответ:

– Ожидайте! Челобитная у высокого Сената на рассмотрении! С Литейного не съезжайте, вас непременно пригласят!

Но на этот раз его остановили в приемной.

– Вашу персону, – важно произнес в нос приказчик, – желает видеть господин секретарь Сената Иван Кириллович. Соизвольте его дождаться для аудиенции.

Несмотря на незнакомые слова, Афанасий уразумел всё же значениё сказанного и, расположившись на лавке, стал дожидаться таинственной аудиенции. Он даже задремал. Когда уже вечерело, ему удалось встретить знакомого приказчика, по всему, собравшегося уже удалиться восвояси.

– Вечерять уже треба! – Как можно любезней заметил Афанасий. – А как же аудиенция?

– Велено ждать! – категорично заявил приказчик.

Заночевать в коридорах здания коллегии казачьему голове не удалось, хотя так ему казалось вернее, тем более, что харчей прихватил по старой привычке дня на три. Караул,

заступивший на ночное дежурство, выставил его на улицу, объяснив, что впустят лишь завтра поутру, с прибытием смены.

Афанасий прошёлся вдоль здания Двенадцати коллегий, для верности пересчитав трёхэтажные строения, что стояли, как близнецы, единой замкнутой стеной. Их оказалось действительно двенадцать, и это почему-то очень его обрадовало. Вдоль фасада коллегии был прорыт канал и через него перекинута два мостика, доступные для проезда экипажей. Широкая улица, вдоль и поперек изрытая колеями, выглядела грязной и неудобной: до мостовых на Васильевском острове дело ещё не дошло.

После смерти Петра Великого минуло всего-навсего около полутора лет, а некоторые планы его по обустройству столицы, выпестованные и взлелеянные, как другие – не менее значимые, стали замалчиваться и беспардонно быстро вытесняться из жизни.

Афанасию как человеку со стороны это особенно это заметно. Ведь совсем недавно он диву давался, как многочисленные мелкие гребные и парусные суда снуют по каналам и протокам Невы. Тут тебе и извоз, и свой выезд, что стоит у причала близ хаты.

В свое время согласно именному указу императора была построена в Санкт – Петербурге Партикулярная верфь. В указе значилось: «...делать к дому Его Императорского величества и для раздачи, по указам, всякого чина людям без-

денежно и на продажу разного рода небольшие парусные и гребные суда».

Партикулярная верфь была видна с балкона Летнего дворца, откуда за ее работой ревностно наблюдал Петр Великий. Он же создал и первый в России яхт-клуб под названием «Потомственный Невский флот». Ныне все эти начинания как неугодные преданны забвению.

Вот от чего пришел в изумление наш Афанасий: в кратчайший срок было зарыто большинство каналов, через сохранившиеся перебросили множество мосточков, а через Неву перекинулся первый плашкоутный мост, соединивший Адмиралтейство с Васильевским островом. И как следствие – многочисленные гондолы, боты, яхты оказались на берегу, сгинув прежде своего срока.

Афанасия сии изменения не радовали: потомственный сибиряк, он привык к речным путешествиям. Да и лодку самому всегда можно сладить. А вот в городе без своего экипажа запросто можно сгинуть под копытами вороных лошадей или, в лучшем случае, удар плёткой схлопотать от возницы. Сибирский казак предпочёл нанять лодочника и с удовольствием направился с ним в сторону Литейного.

Когда лодка входила в устье Фонтанки, Афанасий обратил внимание на небольшой дворец на одиноком острове. С берегом остров соединялся дамбой и подъемным мостом.

– То Подзорный дворец, – пояснил лодочник, по всему, из отставных матросов. – Петр Алексеевич любил бывать здесь,

наблюдал за кораблями, входящими в Петербург по фарватеру Большой Невы. — Немного помолчав, перевозчик вздохнул и добавил. — В запустении ныне дворец, да и корабли стали редкими гостями на Неве.

7

Пришлось теперь Афанасию посещать коллегию ежедневно, как на службу сюда хаживать. В большом уважении стал казачий голова среди жителей Литейного. Многие сроду не бывали на Васильевском острове. Какая нужда? А сибирский казак по указу Сената туда каждый день шастает!

Но всё, слава богу, до поры. Как-то утром по обыкновению его встретил знакомый приказчик:

— Что же вы, батюшка, эдак нынче припозднились!? Господин секретарь уже изволил спрашивать. Срочно идите до господ! — Понизив голос, приказчик по-приятельски посоветовал. — Встань у дверей и жди, когда пригласят. Запоминай: тот, что тебя более всех расспрашивать будет, -секретарь Сената Кирилов Иван Кириллович, в темном парике- сенатор Алексей Михайлович Черкасский, а в рыжем будет сам адмирал Сиверс Петр Иванович.

За массивными дубовыми дверями в прохладе просторного кабинета вели неспешный разговор старые Петровы соратники верные слуги государства Российского. Службы их протекали в различных областях и редко пересекались в

жизни, но их объединяло нечто другое. Служение отчизне для них значило более, нежели дворцовые интриги и радение о собственном обогащении.

Секретарь Сената, хозяин кабинета и главный инициатор встречи, довёл до приглашённых суть вопроса:

– Господа! Более всего сейчас нас должно беспокоить последнее Петрово деяние для благодти Российской империи. Я имею в виду проведывание крайних восточных владений с целью закрепить их за империей и решить, наконец, вопрос, каким образом Азия и Америка вблизи себя пребывают.

– Вы, Иван Кириллович, глубоко правы! Названные вопросы очень важны, и решать их надо спешно. – С готовностью согласился адмирал Сиверс. – Слышал я от английского капитана, чья шхуна ныне стоит у меня в Кронштадте, что в их адмиралтействе поговаривают о морской экспедиции к северным берегам Тихого океана. А это означает, что если они опередят в съёмке наших и прилегающих к нам восточных земель, то мы, господа, не только ничего не приобретем, но можем лишиться и собственных территорий. Тогда лишь воинскими баталиями сей вопрос решать придется.

Экспедиция Витуса Беринга, снаряженная Петром Великим, второй год как на пути в Охотск, – продолжил сообщение секретарь. – От нее начали поступать первые известия, точнее, одни только жалобы и просьбы о помощи.

– И на что Беринг жалобится? – полюбопытствовал адмирал. – Здесь, на Балтике, он тоже не отличался особой сме-

лостью и терпением. Хотя офицер исполнительный.

– А вы знаете, на всё жалуется – на снабжение продуктами, на нерасторопность тамошних воевод, на морозы, опасность со стороны воровских людишек, особенно инородцев. Прочитав его отписки, я углядел в них полную нерешительность и, если хотите, отчаяние, – Иван Кириллович замолчал, ожидая реакции присутствующих.

– Но, насколько я знаю, в его команде такие блестящие офицеры, как лейтенанты флота Шпанберг и Чириков; подобным храбрецам сам черт не ровня. – напомнил адмирал Сиверс. – Они вполне могут показать пример храбрости и чести .

– Князь Алексей Михайлович! – обратился секретарь Сената к Черкасскому, которого изрядно утомили велеречивые реплики адмирала. – Вы сами долгое время пребывали в Сибири на посту губернатора и, следовательно, более сведущи о тамошних диких инородцах. Неужто нашим солдатам, вооруженных фузеями, они опасны?

– Как же, как же! Наслышан от воеводы якутского и анадырского приказчика! Есть там народец – казаки его чукчами прозвали, а их землю – Чукотским носом. Ту, что у самого восточного моря, на краю земли. Река немалая Анадырь через тот нос протекает. Сладили казаки острог, оказавшийся в центре тамошней немирной землицы. С виду чукчи напоминают самоедов, что по северным полуночным землям живут, но те – народ смирный, а эти даже люты. А насчёт

фузей, извините! Казаки анадырские, кроме самопалов старых, ничего не видели.

– Господа! У меня в приемной находится некто Афанасий Шестаков. Он долгое время служил в Якутске тамошним казачьим головою. Сей казак подал челобитную в Сенат, и теперь дожидается решения. В челобитной излагает прожект приведения тех земель в покорность Его Императорскому Величеству.

– Что за новость? – недовольно фыркнул адмирал. – Никак нынче мужики взялись государственные дела править. Следует его высечь да отправить обратно в Сибирь!

– Вы, адмирал, не горячитесь! – успокоил его князь Черкасский. – К таким казакам надо прислушаться! Он про Сибирь более других знает, и не понаслышке.

– Более скажу! Казак грамотен и приложил карту тех земель, с островами и землями, о которых я как главный географ империи даже понятия не имею. – добавил Иван Кириллович, раскладывая на столе карту Шестакова.

Адмирал Сиверс с нескрываемым любопытством склонился над картой, где многие надписи были весьма любопытны.

– Такое трудно сочинить! Но заметьте, нет ни одного геодезического замера.

– К сожалению, тамошние мужики, как, впрочем, и архангельские поморы, сим высоким наукам не обучены.

– Ну что, господин секретарь Высокого Сената, показы-

вайте своего мужика. Весьма любопытно взглянуть, – примирительно молвил Сиверс.

В кабинет Ивана Кирилловича Кирилова вошёл якутский казачий голова Афанасий Федотович Шестаков. Под пристальными взглядами сановитых вельмож он проследовал в центр просторного, богато убранного помещения и остановился. В его поведении не чувствовалось ни раболепия, ни растерянности. Для человека, с детских лет привыкшего к опасностям и неожиданностям, эти чувства неведомы. Его более беспокоили мысли присутствующих людей, от которых сейчас зависела судьба его помыслов, и тех, кто остался на далеких окраинных берегах. Его состояние походило на напряжение охотника, неожиданно оказавшегося вблизи хищного зверя и замершего до мгновения, когда тот проявит себя либо миром, либо свирепой атакой. Чем раньше уловишь этот момент, тем больше шансов выйти победителем. Но здесь все считали себя охотниками.

– Дюжий мужичина и, похоже, не прост, – подумал адмирал.

– Умен, сразу видать, – оценил Кирилов.

– Настоящий сибиряк! Такой хоть чего добьется, лишь смерть его остановит. Ему бы подобным смельчакам поручать далее землю восточную проведывать да не мешать указами, – заключил князь Черкасский и на правах старшего задал первый вопрос:

– Откуда родом будешь, казак?

– Сибирский я, коренной! Еще дед мой – из поморов пу-
стозерских; как на Енисей пришёл северным морем, так там
и остался. Верстался в Туруханском остроге в казаки, с тех
пор и служим государю- батюшке. Отец в Якутский острог
перебрался, ну а я по его стопам с малолетства в Якутске.
Подьячий, Александр Еремеич, что в приказной избе писа-
рем служил, – царство ему небесное – обучил меня грамоте
да языкам тамошних инородцев. Вот, более по грамотности,
и выслужился до казачьего головы.

– А чего в Санкт-Петербург съехал? Аль Якутск опосты-
лел? – продолжил дознание Черкасский.

– Что ты, господине князе! Я всей душой там. Вот как
решите мои чаяния, так я до Якутска обратно откочую.

– Зрели твою карту. Прямо скажу: много там неведомых
земель. Но верна ли, может, то вымысел? За карту кто ответ-
чик? –на удивление спокойно и даже миролюбиво спросил
адмирал Сиверс.

– Эту карту рисовал мой давний товарищ Иван Козырев-
ский. Ныне он человеке монашеского постригу и проживает
в Якутске. В основе карты лежат походы приказчика Атла-
сова. Иван состоял у него на службе долгое время и рисовал
с его слов. После сам хаживал на кочах по Курильской гря-
де; другие казаки своё сказывали, а я уж, батюшка, за сии
художества головой ручаюсь. Вот ежели открыть в Якутске
школу обучения казачьих детей геодезии и обратить их на
отыскание и покорение новых земель, на службу, *к коей они*

совершенно обычны(?), то всё по науке будет, и то пользам великим быть!

– Поведай вкратце сенаторам свои чаяния и заботы. Отвечай толково да без утайки, – распорядился Иван Кириллович.

– А то и предлагаю, господине сенаторы, что землицу ту, Чукотскую и Камчатскую, лежащую на восточном порубежье земли Русской, подвести под высокую государеву руку, ибо до сей поры инородцы тамошние не замирены и ясак добровольно не платят. По малолюдству служилых, остроги жгут, а осторожный скот угоняют. Выходит, что наперёд надо привести в подданство тех инородцев, которые уже были в ясашном платеже и изменили, а также и вновь, кои еще не были, а уж затем продолжить поиск новых земель.

– Обратите внимание, господа сенаторы, что речь идёт именно о тех землях, куда по велению Петра Великого отправлена экспедиция Беринга, – вставил секретарь Сената.

– И, что же это за народишко, не желающий идти под государеву руку? – спросил адмирал.

– Более всех досаждают чукчи, проживающие от Колымы по Анадырю до самого восточного моря. Береговых, что более промышляют морского зверя, мы прозываем сидячими, а тех, что кочуют по Анадырскому носу, оленными. Сами чукчи себя прозывают луораветлан.

– Лу-о-ра-вет-лан, – с трудом повторил Иван Кириллович.
– И что же сие означает? Нечто типа быстрого оленя?

Государственные мужи дружно засмеялись.

– Извиняйте, господине секретарь, не угадали. «Луораветлан» на их языке означает «настоящий человек».

Все замолчали, словно поперхнувшись, а казачий голова продолжал:

– И не ведают те чукчи страха, а соседние народы, юкагиры и коряки, в панике бегут от них, называя грозой северного побережья.

– Расскажи о чукчах еще чего поболее, – попросил адмирал.

– Живут они, сторонясь от чужих глаз; и мы мало о них знаем. Ведомо, что кочуют на оленях и собачьих упряжках, бой у них лучный, доспехи из кож морского зверя. Начальных людей у них нет. Собирают ополчение быстро – до двух, а то и трёх тысяч воинов, тогда и ставят над ними выборного командира. В бою жестоки до крайности, а с пленными обходятся по-доброму, не пытаются.

– Сколько же надобно войску, что бы усмирить сих нехристей? – подал голос князь Черкасский.

– Так, полагаю, казаков служилых собрать бы человек триста или четыреста – и достаточно, окромя солдат десятка два, геодезиста справного, матросов десятков, кузнеца, рудознатца тоже требо. Людишек лучше собрать по сибирским городам и острогам. Они более привычны к нашим морозам да и в бою с инородцами дюже стойкие. Служилых надобно развести по острогам: в Среднеколымский, Анадырский

и Охотск. Оно и харчеваться так проще. С моря и с берега взять чукчей в клещи и замирить силою. Далее укрепить старые остроги, поставить новые в местах удаленных и к тому гожих, и вольно проведывать острова да новые земли.

– А что, твой племяш Иван даст ли твою карту Берингу?

– Непременно даст: у него срисованная копия имеется! Еще и проситься будет в экспедицию! Сильно его влечёт в новые земли. На свои деньги морской коч ладит в Якутске, собирается северным морем в Анадырь уйти.

– И что же, ты готов возглавить сей наряд?

– То будет для меня великая честь! Не пощажу живота своего ради дела государева! – не скрывая восторга, воскликнул Шестаков.

– Теперь ступай и жди нашего решения, – завершил разговор секретарь сената.

После того, как за казачьим головою закрылась дверь, Иван Кириллович попросил каждого высказать свое мнение.

– Господа сенаторы! Лично меня разговор окончательно убедил в необходимости снаряжения воинского наряда в земли чукчей. Надобно замирить сей народец и привести его под государеву руку. Если экспедиция Беринга вернётся ни с чем, Россия будет опозорена перед всей просвещённой Европой. Мы, дети Петровы, не должны этого допустить! Предлагаю составить доношение в Верховный Совет под названием «О посылке якутского казачьего головы Шестакова в Якутский уезд к берегам Северного моря для проведывания

новых земель и острогов, и о приводе обретающихся в тех землях и на островах иноземцев в подданство, и о даче ему, Шестакову, для того служилых и других чинов людей и оным жалования».

– Я согласен с тобой, Иван Кириллович. Тянуть далее нельзя, – заговорил князь Черкасский. – Но всем ведомо, что вопросы по челобитным, несмотря на мнение сената, решаются верховниками крайне медленно. С графом Петром Андреевичем Толстым я переговорю сам. Он сейчас у императрицы в фаворе и со светлейшим князем Меншиковым в дружбе. Но, кроме них, в Верховном тайном совете значительный вес имеет генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин

– На этот счет не беспокойтесь, – солидно заверил адмирал Сиверс. – С Федором Матвеевичем я пообщаюсь завтра. Он, по обыкновению, меня с докладами требует не более как день, два.

Несмотря на все старания секретаря Сената Ивана Кирилловича, доношение было рассмотрено на Верховном тайном совете лишь в январе 1727 года. Возмутительная волокита! Ведь минуло уже два года с тех пор, как казак Афанасий Шестаков подал прошение в Сенат. Хотя не стоит удивляться. Видит бог, не озаботься его челобитной сановный чиновник,

не случилось бы сего рассмотрения вовсе. К тому же хочется верить в старую русскую поговорку о том, что ,если долго запрягать, то ехать будешь быстро. На все случаи жизни во все времена сородичи находили оптимистичные оправдания медлительности.

По приглашению Верховного тайного совета был заслушан нынешний сибирский губернатор Михаил Владимирович Долгоруков, специально прибывший из Тобольска и тем еще отсрочивший решение на два месяца. Именно он и член Верховного совета граф Толстой проявили повышенный интерес к персоне казачьего головы, что в дальнейшем сильно повлияло на ход событий.

Оба представителя древних родов не хотели и не могли смириться с тем, что обычный мужик хоть и дослужившийся в сибирской глубинке до звания казачьего головы, способен возглавить столь серьезную экспедицию.

На последнем заседании Верховного тайного совета дебаты кипели вокруг государственных целей предполагаемой экспедиции, а также вообще в целесообразности её снаряжения и особенно – по поводу руководителя похода. Вопрос о военной баталии супротив воровских инородцев стоял прежде иных. Тут то и возникло первое сомнение.

– Князь Михаил Владимирович! – пылко произнёс граф Толстой. – Как я понимаю, вы поддерживаете помыслы Афанасия Шестакова. Но казачий голова – должность приказной службы, а баталия – занятие воинское. Да и можно ли про-

стому мужику довериться в столь большом и сложном деле?

– Бывший якутский воевода, капитан Михаил Измайлов, что ныне пребывает на воеводстве в Иркутске, самого лестного мнения о Шестакове, – отвечал Долгоруков. – И в сибирских острогах каждый служилый казак – воин добрый, но в большой баталии, полагаю, мужику довериться всё-таки нельзя.

– Без сомнения, Афанасий Шестаков радеет за сии дела, да и обычаи тех земель ему ведомы. Может, ему человека дворянского рода приставить в сотоварищи? Чтобы помощником был и воинскую науку ведал.

– Есть у меня в Тобольске такой офицер, – немного подумав, ответил Долгоруков. – Дюже волею крепок и смел! Родом он из польских шляхтичей. Предки уже сотню лет в сибирских острогах служат. То капитан сибирского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий.

– Видимо, подходящий офицер. Я даже припоминаю его по наградному указу. Думаю, с этим вопросом всё ясно, – подвел итог граф Петр Андреевич Толстой. – Готовим на подпись Её Императорскому Величеству следующий указ : «О посылке якутского казачьего головы Шестакова для переговоров с немирными иноземцами о вступлении им в подданство России».

А к обладанию теми землями и в замирении с народами, их населяющими, у Росси причины веские: « Территории, прилегающие к российским владениям и ныне ей не под-

властные, весьма нужны для прибыли государственной, по-
неже в тех местах соболю, рыбий зуб в достатке и прочий
зверь рождается. И пока в те земли, что с Сибирью погранич-
ные, оные народы не вступили, следует их занять и подвести
под государеву руку. Особливо для познания по восточному
морю морского ходу, от которого может впредь пойти тор-
говля с Японией, с Китаем или Кореей.

Надобно увеличить Якутский гарнизон до полутора ты-
сяч человек за счёт служилых людей из Томска, Енисейска
и Красноярска. Из них четыреста служилых выделить в пар-
тию Шестакова. Среди солдат обязательно должны быть че-
тыре гренадера, чтобы обучать делать земляные и верховые
ракеты, хоть не для убийства, а для страху иноземцев. Остро-
ги Охотский, Анадырский, Колымские, Тауйский отремон-
тировать и всячески крепить.

Для морских плаваний круг Камчатки и Чукотского носа
из Адмиралтейской коллегии придать геодезиста, штурмана,
подштурмана и десять матросов, а для строительства – судо-
вого подмастерья. Мастеровых людей, кузнецов, плотников
выбирать из числа служилых казаков.

Снабдить экспедицию всем необходимым вооружением,
потребным числом пушек и мортир с боеприпасами для
установки их на корабли и остроги. На подарки иноземцам
выдать сукно, олово, медь, иглы, десять пудов китайского та-
бака и пятьдесят вёдер вина.

Снабдить единовременно экспедицию жалованием сразу

на два года. В последующем выдавать жалование всей команде в установленном размере и без задержек».

— А как же решим по части капитана Павлуцкого? Мне видится, что для пользы дела надо подчинить Шестакова обер-офицеру регулярной армии, — решительно настаивал сибирский губернатор.

— Князь Михаил Владимирович! — Недовольно воскликнул, обращаясь к нему, граф Толстой. — То вопрос деликатный! Сейчас предлагаю сформулировать следующим образом: « Де послать с Шестаковым обер-офицера, для начала над военной командой по рассмотрению Сибирского губернатора». А вы, батюшка, по прибытии экспедиции Шестакова в Тобольск определите их отношение своим указом по общему согласию и тамошней обстановке.

Светлейший князь Меншиков хотя и председательствовал на этом заседании Верховного тайного совета, но вёл себя крайне безразлично, возложив ответственность за принимаемые решения на графа Толстого. Это был период наивысшего могущества Александра Даниловича. Изрядно подналов в искусстве дворцовых интриг, он оставался человеком безграмотным и абсолютно не представлял масштабность и судьбоносность для России решаемых вопросов, да и сама Сибирь виделась ему не более как заштатная губерния, весьма удаленная и пригодная лишь для ссылки туда его недоброжелателей и противников. И неведомо было светлейшему князю, что именно Сибирь с её бескрайними просторами и

лютыми морозами будет во многом определять судьбу страны, а для него самого, как и многих других зарвавшихся лихоимцев, она станет последним убежищем.

По указу Её Императорского Величества сотни людей добровольно отправятся в Сибирь, повинувшись чувству долга, творить историю России. Другим указом, изданным уже молодым императором Петром II Алексеевичем, в сентябре того же года гвардии майор князь Салтыков заключит главу Верховного тайного совета Александра Даниловича Меншикова под домашний арест. Вскорости со своими чадами и домочадцами он отправится в сибирскую ссылку. Последнее пристанище светлейшего князя – захолустный городок Березов, что стоит и по сей день на левом берегу реки Вогулка при впадении ее в реку Сосьва, а Сосьвы – в Малую Обь. Таковы уж пути господни. Учит он нас уму разуму, а мы всё не разумеем.

Но вернёмся к нашему герою. 23 марта 1727 года вышел именной указ императрицы Екатерины I и звучал он так: «О посылке якутского казачьего головы Шестакова для переговоров с немирными иноземцами, о вступлении им в подданство России». В этом указе одним из пунктов на сибирского губернатора возлагалась обязанность по его усмотрению послать с дипмиссией из обер-офицеров искусного человека и

с ним Шестакова.

Согласитесь ,странная формулировка. Если внимательно прочитать её, то, без сомнения, видна двойкость трактовки начальства в экспедицией. Но, будучи в Санкт-Петербурге, и в дороге до Тобольска, Афанасий не обратил на это ни малейшего внимания. Да и к чему, когда он не- однократно явственно слышал от сенаторов и членов тайного совета о признании его как руководителя экспедиции; более того, Шестакова раздирали чувство восторга и планов громадьё.

Единственно, что омрачило отъезд, это прощанье с Авдотьей Марковной. Она уже свыклась с бесконечным ожиданием. И вот теперь сколь ожидаемая, столь и неожиданная разлука лишила её всякой выдержки. Несмотря на оказанную честь её супругу и выдачу немалого жалования за два года, Авдотья чувствовала себя скверно. Растерянность и отчаяние переполняли казачью жёнку, всё еще не насытившуюся супружеством. Крепко обняв супругу, казачий голова расцеловал малютку- дочь, размашисто перекрестил их головки и, не оглядываясь, отправился в далёкие сибирские земли. В его представлении, разлука предстояла долгой – лет пять, а то и более. Здесь Господь – распорядитель.

Сбывались самые заветные помыслы и мечты Афанасия. Его планы были одобрены полностью и вошли в наказные документы. Сенаторы тоже не поскупились, снабдив экспедицию всем необходимым. Но главное, в её состав вошли люди, обладающие необходимыми знаниями и опытом. А уж от-

вагу, упорство, выносливость – эти достойные качества русского люда – им предстояло доказать в деле.

Для морских походов и изыскания новых земель Адмиралтейством-коллегией экспедиции были приданы штурман Якоб Генс, подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев.

Морским офицерам выдали необходимое оборудование: цепь мерительную, готовальню с инструментом, квадрант, азимуф компас; из цыркулей – большой, да простой и треножный, таблицы, хартины – плоскую и меркаторскую, один феодолит. Штурман и подштурман получили 2 пелькомпаса, 8 ординарных компасов, 2 склянки получасовых да две полуминутных.

Также в распоряжение Афанасия Шестакова предавались охотские мореходы Кондратий Мошков, Никифор Треска, Генрих Буш, Иван Бутин и, кроме того, ботовых дел мастер Иван Спешнев. Десяток матросов дополняли эту команду. Якутский казачий голова о таком мощном морском отряде даже не помышлял.

Возгордившись за себя и за деяния, которым надлежало свершиться, в июне 1727 года Шестаков в звании главного командира северо-восточного края отправился со своей командой в Сибирь. Сомнений в своём главенстве у него тогда не было. Ведь именно так порешили сенаторы, министры и многочисленные члены коллегий, что в последние месяцы занимались устройством экспедиции с Афанасием Федото-

вичем.

Глава вторая

Обер-офицер драгунского полка

«Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титла заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтение от граждан».
Г. Р. Державин

1

Тобольский драгунский полк, помимо эффектного названия, более ничем не выделялся. То было обычное полевое воинское формирование, каких в империи десятка три наберётся. В свое время сформированный для защиты сибирской столицы Тобольска от набегов многочисленных орд башкир, калмыков, казахов полк сейчас представлял жалкое зрелище. Расквартированный по многочисленным слободам его рядовой состав нёс караульную службу, более схожую с кре-

стьянским повседневным бытом. Редкий случай, чтоб наскочили ордынцы, да и то малым числом по воровскому делу, от голодухи. Тихо теперь на Тоболе; далеко на юге, в землях Джунгарии и Бухарии, пролегает граница Российской империи. Можно бы обучать конному строю новобранцев, да куда там, коль в полку даже лошадей уставных нет.

В одной из таких слобод, а именно, в Окуневской, раскинувшейся к югу от Тобольска, тоже располагался небольшой драгунский гарнизон. Командовал им капитан Тобольского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий.

Потомственный польский дворянин, чей род служил по сибирским острогам с незапамятных времен, он давно забыл родной язык, как и национальные обычаи. Зато в нём на удивление, прочно сохранились гонор и необузданность, свойственные польскому шляхтичу. К службе он относился со всей ответственностью и, не имея в своём хозяйстве строевых коней, обучал рядовых драгун чему мог: пехотному строю, приёмам штыковой атаки, меткой стрельбе из фузеи, фехтованию на палашах. Ведь согласно Петровскому уставу драгуны есть лёгкая конница, обязанная в совершенстве овладеть боевым искусством, вести сражение, как в конном, так и пешем строю.

Сам Дмитрий Павлуцкий безукоризненно владел любым оружием, следил за выправкой подчинённых и при случае за малейшее оскорбление не давал спуска другим офицерам. Его болезненное самолюбие стало причиной бесконечных

дуэлей и конфликтов. А вот карьера, благодаря отчаянной смелости, проявленной в схватках со степными ордами, сложилась неплохо; по сибирским меркам капитанскому окладу и довольствию могли позавидовать многие служилые.

Из-за своенравного характера офицеры сторонились Павлуцкого, да и сам он не стремился к товарищеским отношениям. Дело в том, что в полку уже давно офицеры неформально поделились на две компании. Одна состояла из офицеров – отпрысков сибирских бояр. В свободное от службы время они обычно волочились за девками, по старинке играли в зернь и бражничали в питейных и банных заведениях. А вот другая группировка объединяла бывших гвардейских офицеров и гренадерских драгунских полков, которые в наказание, за разного рода проступки, переводились сюда из столицы.

Капитана Павлуцкого тянуло к ним всем его естеством. Но отпрыски знатнейших княжеских и графских родов не считали возможным принять в свой круг потомка польских шляхтичей, несмотря на явную к нему симпатию. В результате капитан Павлуцкий пребывал в одиночестве, мечтая о службе в гвардейском полку Санкт-Петербурга.

Как-то, совершенно случайно, будучи с докладом в Тобольске, он бродил по базару. День был воскресный, и тор-

говля шла достаточно бойко. Базар в сибирских городищах, как и в любых других азиатских, всегда есть место не только торговли, но и всяческих любопытств. Хочу сказать, что человек идёт сюда не только за покупками, а более из интересу лицезреть что – ни будь любопытное, можно даже сказать, редкостное для здешних мест. Кроме всего, именно здесь легче всего узнать последние новости как российские, столичные, так и иноземные, ибо самый отчаянный торговый люд сюда со всех краёв стекается, да еще окончательно не зарос травой старый Бухарский северный торговый путь.

В тот день капитан Павлуцкий решил прикупить синее сукно для нового парадного кителя. Дела были исполнены, в Окуневскую слободу велено прибыть завтра, вот и решил драгунский капитан, присмотреть, что любо себе в услуду. Ходил-ходил и не ведал того, что потребно!

Неожиданно его привлёк птичий ряд. Клекот птицы, что он слышал, был крик кречета. Сокол сидел на ременной привязи и отчаянно взывал о помощи. Не будем обсуждать купеческие приёмы тех лет, но они возымели тогда более чем ожидал продавец. Капитан Тобольского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий без всякого торга отдал за птицу всю наличность.

Соколиная охота на Руси имеет древние корни. Да и как иначе, если русские кречеты, родина которых русский север и поморье, считаются самыми крупными птицами из рода соколиных, а сапсаны самыми быстрыми. Именно соколы,

привезенные из Москвы, высоко ценились в Персии и странах Европы.

Лучшими посольскими дарами считались кречеты. Так, в 1616 году, когда решался вопрос о займе на войну с литовцами, в качестве даров были посланы кречеты, что и решило судьбу денежного займа в пользу России. Особым почитателем соколиной охоты был русский царь Алексей Михайлович Романов. В его правление вся жизнь государства соприкасалась с сей птицей. Даже купцы платили подорожную подать голубями на прокорм государева соколиного хозяйства.

Но мода меняется, и интерес к соколиной охоте несколько поутих. Так и капитан Павлуцкий имел весьма слабое представление об этой забаве. Тем не менее, это не помешало ему приобрести ловчего сокола и в короткий срок стать большим поклонником соколиной охоты. Птица оказалась хорошо обученной и с немалым стажем, что позволило капитану в короткое время овладеть навыками охоты. С того момента Павлуцкий превратился в заядлого соколятника, что значительно повысило его статус в офицерской среде и сделало популярным не только в полку. Даже высокородные князья перестали чураться его общества и зачастили в Окуневскую слободу, где квартировала рота Павлуцкого, и всё было обустроено для соколиной охоты. Теперь он владел десятком отборных кречетов, а денщики более походили на сокольничих, нежели на солдат.

Прослышав о капитане, содержащем соколов, губернатор

князь Долгоруков Михаил Владимирович тоже не преминул наведаться якобы с инспекцией в Окуневскую слободу.

– Что же вы, капитан, – пробурчал при встрече губернатор, – при нашей скучной жизни не порадуете губернатора соколиной охотой!?

– Я ведь, господин губернатор, даже не мог помыслить о столь высокой для меня чести! – откровенно признался Павлуцкий, чем весьма польстил князю.

– То-то! Теперь знайте: я большой охотник до соколов. И вот что, капитан! Бросай все дела и порадуй старика. А то прогневаюсь, – пошутил он вдобавок.

Князю Михаилу Владимировичу шёл уже шестой десяток. Возраст почтенный, но чувствовал он себя прекрасно, и на покой не собирался. Не ладится мир между князьями Долгорукими и Романовыми: вечно встрянут в противную партию. Вот для Михаила Владимировича и аukaются участие в побеге царевича Алексея и другие делишки супротив воли императора Петра. Тот и отослал его в Сибирь губернатором, ну да ладно, что не в ссылку.

Не прошло и двух часов, как всё было готово к охоте. Стояла осень в своей лучшей поре: самое время для утиной охоты. Полуденное солнце, ещё не остывнув, палило по-летнему жарко. Князь Михаил Владимирович и капитан Павлуцкий следовали верхами вдоль озера. Утка, чуя неладное, забилась в камыши и вела себя тихо.

– Вам приходилось наблюдать за парной охотой? – спро-

сил капитан.

– Да, конечно! Это когда один сокол поднимает дичь, а другой ждёт её и в нужный момент атакует! Надо сказать, крайне редкий случай и требует искуснейшего обучения.

– Тогда я вас удивлю, сказав, что сейчас мы запустим сразу пятерых кречетов, – заявил Павлущий, с удовольствием наблюдая за реакцией губернатора.

– Взгляните! Сокол, что сидит у меня на руке, уже стар, и атакует не так молниеносно. Это мой первый кречет. Но он дюже сметлив, и мне кажется, командует другими кречетами.

– Ну, вы, батенька, хватили! Сокол – птица бестолковая, куда ему до таких тонкостей, – засмеялся Долгорукий.

Всадники достигли нужного места, прервав разговор.

Капитан пустил первого кречета, затем один за другим в небо взмыли ещё четыре. Поднявшись высоко над землей, птицы стали кружить вокруг озера. Это уже выглядело необычно. Затем старый кречет опустился; и птица, грозно крича, чуть не касаясь крылом зарослей, стала метаться над ними, над поверхностью воды. Утки, притаившиеся, было, в камышах, но

испуганные соколом, стали одна за другой подниматься в воздух, стремясь покинуть беспокойное озеро. Тут раздался клёкот птицы, похожий на сигнал к атаке, и соколы враз, молниеносно, накинулись на своих жертв. Удар был столь стремителен, что острые, как бритва, когти срубали голо-

вы селезней на лету, и падающие утки, кувыркаясь в воздухе, обагрjali землю своей кровью. Скорости, красота птиц и природы – на этом удивительном фоне особенно отчётливо вырисовываются трагизм и величие жизни. Завораживающая картина и была тем шоу, ради которого устраивалась соколиная охота.

На этот раз она оказалась весьма удачной. Князь Долгоруков получил немалое удовольствие, а на прощание бесцеремонно заявил:

– Капитан! Селезней я, пожалуй, с собой заберу. У тебя тут, кроме денщиков, прислуги нет, а я из столицы искусного повара захватил. Приготовит дичь – пальчики оближешь. Пожалуй, завтра ко мне вечерять.

Эта встреча оказалась судьбоносной для Павлуцкого. Глянул он Долгорукову своей спокойной обходительностью и тем, что заполнил соколиной охотой бездельное время, коего в губернаторской жизни было довольно. Взамен, Дмитрий Павлуцкий заполучил в покровители влиятельного вельможу, чья звезда ещё далеко не закатилась, а после смерти императора Петра Алексеевича снова пошла на подъём.

– Иметь в услужении верных офицеров для такого вельможи, как князь Михаил Владимирович Долгоруков, просто необходимо, – рассудил Павлуцкий. Так что служба в гвардии виделась ему почти реальностью.

В ожидании сибирского губернатора, что ныне по требованию Верховного тайного совета находился в Санкт-Петербурге, драгунский капитан пребывал в самом благостном на-строении. Причины вызова были ему неизвестны. Что это может быть, как не касаясь службы и большой важности? Незнание, однако, лишь разжигало воображение.

Тем временем события уже разворачивались неудержимо, и судьба капитана Тобольского драгунского полка была предрешена.

В июне 1727 года князь Долгоруков вернулся в Тобольск. Новости, что он привез с собой, оказались крайне неожиданны. До такой степени, что первоначально капитан даже растерялся и не знал, как к ним относиться. Экспедиция на северо-восток Сибири мало напоминала его мечты о службе в гвардии.

– Капитан Павлуцкий, я до сих пор не слышу от вас слов благодарности, – первым начал разговор губернатор.

– Но я надеялся продолжить службу под вашим началом, – ответил капитан достаточно твердо.

– Служба по именному указу императрицы значит много больше! Это прямая дорога к майорскому званию, славе и пожалованным из казны имениям.

– В указе императрицы нет моего имени, – разочарованно заметил Павлуцкий.

– Зато мне есть прямое указание, и, обрати внимание, до-

статочно конкретное: «По усмотрению послать из обер-офицеров искусного человека и с ним Шестакова». Заметь, – с ним! Императрица указала мне определить старшего командира для Анадырской экспедиции, и я определяю тебя, капитана Павлуцкого. С чукчами ты расправишься без труда и земли приведешь под государыню. Народец дикий, даже о железе ничего не ведает. Супротив лучного боя с костяными наконечниками у тебя будут пушки и фузеи. Вернешься в Санкт-Петербург с докладом о виктории! Вот о чем теперь думать надо. А пока набирай верных людей, чтобы они твою сторону держали супротив Шестакова.

– А что он за человек, этот Шестаков? – спросил Павлуцкий.

– Мужик. Грамотный, настырный, неглупый, раз до самого Сената добрался. Что за дело? Тебе с ним детей не крестить! Согнешь в бараний рог, и пускай в экспедиции по хозяйству хлопочет, – завершил разговор князь.

4

В сентябре 1727 года в Тобольск прибыл казачий голова Афанасий Шестаков с офицерами адмиралтейской службы, причем никто из них в главенстве Афанасия Федотовича не сомневался: за время дороги все убедились в его способностях и твердости.

Немного вернемся в прошлое. Тобольск заложен как

острог летом 1587 года на реке Иртыш при впадении Тобола. Поставил град на Троицком мысу воевода Данила Чулков при царе Федоре Иоанновиче.

Первоначально Тобольск играл роль восточного форпоста России. Но уже через десяток лет, в лихие времена конца 16 века, исключительно удобное положение определило его дальнейшую судьбу как столицы Сибири. И надо сказать, что сей град, был на слуху у всей Европы и Азии после Москвы и Санкт-Петербурга.

Здесь преувеличений нет: Тобольск действительно стал пропускными воротами к сибирской мягкой рухляди, восточным морям и в Китай, на чьи богатства Европа зарилась издревле.

Через Тобольск шли торговые пути из России в Китай и Среднюю Азию, а купцы из Великого Устюга, Казани, Москвы были частыми гостями. Бухарцы и хивинцы доставляли сюда разноцветную парчу, шелковые, бумажные и шерстяные ткани, сушёные овощи и различные сладости.

В 1708 году, во времена государственных реформ императора Петра Алексеевича, Тобольск становится центром всей Сибирской губернии, включавшей Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Нет ничего удивительного, что снаряжение Анадырская экспедиция Шестакова должна была получить в Тобольске. Здесь уже на полную мощь работали казённые заводы, мануфактуры и салотопенные предприятия. Имелся и свой ору-

жейный завод. А уж в закромах, то есть в арсенале и множестве имперских кладовых, добра – на зависть любому губернскому городу центральной России – было не счесть. Следует всё-таки подчеркнуть, что Тобольск был не обычный губернский город, а столица огромной и богатейшей территории, отстоящей от Москвы и Санкт-Петербурга за тысячи верст, так что губернатора Сибири, коим пребывает ныне здравствующий князь Долгоруков Михаил Владимирович, правильнее именовать наместником. В его ведении все ресурсы, территории – всё, вплоть до армии.

И внешне Тобольск весьма пригляден. Спорить с Москвой или Санкт-Петербургом, конечно, не берется, но в военном отношении много не уступит. Вот кремль свой имеется, что высится на горе в самом центре и обозреваем со всех сторон. Гора рассечена оврагом, по которому проложена деревянная дорога наверх к Дмитриевским воротам. Там мостовая уже вымощена булыжником и называется Прямской или Софийским взвозом.

Афанасий Шестаков сотоварищи прибыли в Тобольск по реке и теперь от городского плотбища пешком следовали через Софийский взвоз во дворец наместника. Склоны оврага укреплены камнем, так что путь в Тобольский кремль пролегает в окружении стен высотой до десяти саженей.

Восемь деревянных острогов сменяли один другой, пока, наконец, Тобольск не обрёл каменные крепостные стены и девять башен кремля. Нависающие над обрывом, они

выглядели красиво и грозно. Знающие военное дело люди, без сомнений, укажут на искусную фортификацию и мощное вооружение. Крепость была способна противостоять много-тысячной современной армии. Хотя откуда ей, армии, тут взяться и по какой надобности?

Много сил и средств положено на строительство города во времена первого сибирского губернатора, князя Матвея Петровича Гагарина, прослужившего на воём посту более десяти лет. Срок немалый и объясняется, прежде всего, Северной войной, полностью занимавшей мысли императора Петра Алексеевича. За великими баталиями дела сибирские были забыты и перепоручены на долгие годы князю Гагарину. Сия беспечность послужила хорошим уроком самому императору да и всему роду Романовых.

На территории кремля возвышается Софийский собор. Правая сторона от Прямого взвоза – центра православия Сибири – так и называлась Софийской частью; слева от взвоза раскинулся Вознесенский город с дворцом наместника.

Миновали Дмитриевские ворота, что наподобие лаза расположились под зданием рентерии, по своему назначению, напоминающее американский форт Нокс. Здесь находится хранилище государственной пушной казны. Не берусь назвать количество тех несметных богатств, что сторожатся в ее стенах, но то львиная доля всей казны Русского государства. И неслучайно, Тобольский драгунский полк несёт службу в здешнем граде.

В те годы мягкая рухлядь ценилась весьма высоко. В торговых делах и в государственных порой золото заменяло. Один лишь недостаток, что монет из него не начеканишь.

Заслуга строительства рентерии тоже принадлежит князю Гагарину. Человеком он был смелым и решительным. Но строительство – это малое! Ради удобства сибирской столицы Гагарин повелел изменить русло Тобола, прорыв канал, и этим сдвинул его слияние с Иртышом на несколько верст. Такое в голову придет не каждому, а уж осуществить план – тем более.

За свершениями немалыми возвысился князь Матвей Петрович Гагарин не в меру. Возомнил себя великим, гордыня помутила его разум. Задумал изменить государственное обустройство: Сибирь от империи отделить! И закончилось его правление необычно: повесил Гагарина император за воровские, низменные дела на Васильевском острове перед фасадной частью коллегии. Висел князь-бедолага на железной цепи многие месяцы в назидание министрам да сенаторам. Дело то прошлое, а рентерия по-прежнему полна мягкой рухлядью, что ясачными сборами да десятиной торговой со всех уголков Сибири ежегодно сюда доставляется, а затем переправляется в Санкт-Петербург, в казначейство Российской империи. Помимо мягкой рухляди рентерия хранит и другие сокровища. Старые курганы, во множестве рассеянные по великой степи, в последние годы стали вожаделенными объектами исследования воевод и ученых. Их раскопки

стали обыденны, и виной тому золотые украшения скифских времен. Ежегодно по несколько пудов золотых поделок поступали в тобольскую казну. Действительно, можно голову потерять!

А между тем Афанасий Шестаков в окружении морских офицеров, вошёл во дворец наместника, точнее, губернатора Сибири. Со времен князя Гагарина здесь мало изменилось: вот только нынешние наместники – всё более из опальных – ежели и творят что с опаской и оглядкой, то либо воровское или себе в усладу.

5

Казачий голова едва успел привести себя в порядок, как был принят губернатором князем Михаилом Владимировичем Долгоруким.

– Заждались тебя, казак! Аль не торопишься службу государеву править? – начал князь, решив сразу взять в разговоре верх.

То была аудиенция; Шестаков, уставший с дороги, в гордом одиночестве, предстал перед наместником и его многочисленной свитой, состоящей из офицеров драгунского полка.

Как командующий вооруженными силами князь тоже был в мундире драгунского офицера, к тому же изрядно украшенном золотыми пуговицами и шитьём золотыми нитями

по отворотам.

В убранстве приёмного зала явно присутствовали провинциальное излишество и кичливость богатством. Можно было догадаться, что изобилием гобеленов, портьерных тканей хозяева тщетно пытались скрыть дефекты строительства, которое не могло идти ни в какое сравнение с изумительным зодчеством итальянских мастеров в столичном граде.

Осматриваясь и собираясь с мыслями, Афанасий Шестаков молчал, этим явно вызывая недовольство губернатора.

– Поспешаем ваша светлость! В самый аккурат к распутице до Тобольска добрались! Сейчас до морозов, будем хозяйственными делами заниматься. Согласно бумагам канцелярии в Тобольске дюже много добра получить надо. А после по зимнику уйдем на реку Илим, и если бог даст, полой воды дождёмся в Усть Кутском остроге, а там сплавимся на Якутск. Так что, господине губернатор, всё вроде бы ладно.

– Как уверенно держится мужик! – отметил про себя губернатор. – Не иначе мои вороги, Толстой и Меншиков Алексашка, ему догляд поручили? Донесёт сиволапый, что не так, а те сразу до императрицы потащат!

Столь неожиданно пришедшая мысль до крайности расстроила князя Долгорукова. От страха неприятно взмокла спина, а по лбу предательски потекли капли пота.

– Не можется мне нынче, – неожиданно произнес губернатор. – Ты уж, голова, ступай, отдохни с дороги, а завтра прошу снова ко мне. Устроим мы не иначе ассамблею, как в

лучшие времена при Петре Алексеевиче, там и представишь своих мореходов, и между менуэтами о делах поговорим.

Все стали расходиться. А вот капитану Павлуцкому было не по себе. Не в меру решительный, сейчас он чувствовал растерянность и крайнюю досаду. Князь Долгоруков, высокопоставленный вельможа, спасовал перед простым казачком, не имевшим и звания-то воинского. Титул казачьего головы, хотя и высокий, и почётный, но, будучи старинным званием служилого казачества, не попал даже в «Табель о рангах», утверждённый Петром Великим в 1722 году. Сие означало, что статус Афанасия ниже любого служащего, занесённого в табель.

Павлуцкий молча ждал разъяснений от губернатора, но тот лишь произнес:

– И ты, капитан, ступай. Не время ещё. Завтра в присутствии всех офицеров объявлю своё решение.

6

Один хотел, чтобы этот день не наступил вовсе, другой, наоборот, торопил его начало, а кому-то было и безразлично; но время не остановить, и его лучшая подруга – судьба ткёт свой ковер людских жизней неумолимо и с немалой фантазией.

Хитер князь Михаил Владимирович, ничего не скажешь. Ассамблею неспроста устроил, даже музыкантов отыскал,

чтобы народ потешить. Но, главное, решил надсмеяться, поглумиться над Афанасием Шестаковым.

— Уж где-где, а на ассамблеях бывать голове не приходилось и тамошних порядков он не знает, — рассудил губернатор. — От стыда сгорит казак, пусть знает своё место мужичье!

После обеденной службы все вновь собрались во дворце наместника. На этот раз среди приглашенных были и дамы. Всё больше жены и дочери офицеров. Особо волновались незамужние молодые дамы. Как же, ведь ассамблея! Да еще говорят, будут молодые офицеры из Адмиралтейства!

Плох тот офицер, у которого на такой случай не окажется нового парадного мундира. На- счёт драгунов, сомневаться не приходилось. Хоть и не Санкт-Петербург, но подобное мероприятие всегда в ожидании. Вполне обыденно, чтобы и у офицера, отправленного с экспедицией на край света, тоже на всякий случай оказался с собой праздничный новенький мундир.

Прямо скажем, большой присутственный зал был переполнен блестящим обществом, как в прямом, так и в переносном смысле.

Офицеры Тобольского драгунского полка, составлявшие большую часть мужской половины залы, были одеты в уставные мундиры. По тем временам, это был большой шик. Форма, определенная Петром, служила лучшим пропуском на ассамблеи.

Драгунский камзол синего цвета с красными отворотами. Длинные чёрные ботфорты, чёрная треуголка с серебряным кантом и шпага. Парадный вид дополнял белый шарф – необходимый элемент мундира: именно по нему, по его материалу и убранству определялась происхождение и состояние офицера. Шарфы изготавливались из тканей от бумажных до шелковых, могли украшаться тончайшим шитьем, жемчугом и другими камнями.

Молодые офицеры адмиралтейства, подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев тоже были в зале. От них ещё исходил флёр петербургских салонов, но формой похвастаться не могли: не успел Петр утвердить форму для офицеров Российского флота. Не было в том резону: малым числом они кружились тогда между иноземными лейтенантами да капитанами, а те носили форму свою, определённую их императорами да королевами. Вот и рядились адмиралтейские офицеры, как могли. На радость молодым, существовала форма гардемарина, что негласно потихоньку превращалась в офицерскую. Ну а наши адмиралтейцы были, как на подбор, из гардемарин, так что выглядели они не хуже драгун: чёрная треуголка, красные штаны, белые чулки и чёрные штiblеты.

Главный элемент мундира – это удлинённая куртка-бострога, узкая, приталенная, со стоячим воротником. Она появилась на русском флоте с первыми голландскими матросами и прижилась на многие десятилетия. Куртка обшива-

лась золотой бязью, украшалась большими дорогими пуговицами, плюс непременно шпага – и в результате получался очень даже симпатичный мундир, позволяющий проявлять полную свободу индивидуальности, в чём весьма и преуспели наши офицеры.

Настроение у них было приподнятое: столь серьезная ас-самблея, да еще в их честь, была первой в жизни юношей. Молодые, здоровые, с обветренными лицами моряки с восхищением ловили хотя и мимолетные, но весьма обещающие взгляды тобольских красавиц, не догадываясь, что те кокетничали более для того, что бы позлить своих кавалеров. Ведь в провинции для дам жизнь блеклая, однообразная.

Старший по команде, штурман Якоб Генс, тоже находился в зале. Голландец по происхождению, он долгие годы находился на русской службе. Одетый в чисто голландскую бо-строгу, с красным платком на шее, шрамом на лбу, полученном в пьяной драке, он походил на старого пирата. При нём находилась длинная старая шпага, каких на флоте ныне не сыщешь, хотя в старину ей подобные были любимым абордажным оружием морских пиратов. Возраст у Якоба Генса уже не малый, здоровье пошаливает. Жизнь прошла буйно, да и пороков хватает. Ром, девки, карты – основным дополнением к службе. Вот и в экспедицию подался, дабы скрыться от карточных долгов. Словом, можно считать его присутствие в зале весьма примечательным и экзотичным.

А вот Афанасию Федотовичу Шестакову тут пришлось

тяжко. Если он и беспокоился в Санкт-Петербурге о собственной одежде, то более о тёплом исподнем белье и вязанной шерстяной рубаше, что придают телу тепло и приятность свободы в движении. Благо, хоть прихватил пожитки, в коих хаживал по столице. Вещи добротные, слов нет, но во всём подчеркивают простолюдина безродного. Скрипя зубами от злости, он старался держаться в сторонке, надеясь исчезнуть при первой возможности.

Неожиданно оборвалась музыка, и в залу вошел губернатор, князь Михаил Владимирович Долгоруков. Одетый в платье, что носилось при дворе императора, он сверкал будто в золотой оправе, наглядно демонстрируя богатство и благородство своего рода.

Не сразу он отыскал среди гостей казачьего голову, а отыскав, испытал подлинное наслаждение.

– Что же ты, голова, в сторонке прячешься? – обратился к нему с притворной любезностью. – В твою честь ассамблея устроена. Веди ко мне своих офицеров, представь их, порадуй старого сподвижника Великого Петра.

Багровея от сознания собственной нелепости, Шестаков подвёл своих офицеров, Генса, Федотова и Гвоздева, к губернатору.

– Вот они, птенцы Петровы! – воскликнул с пафосом наместник. – Лететь им под парусами по морям восточным к землям Японским! Добрых тебе, Афанасий Федотович, помощников дали. За флотские дела можно не беспокоиться,

а над солдатами и служивыми у тебя доброго обер-офицера нету! Вот я и повелеваю во исполнение желания императрицы. Назначаю старшим командиром над всеми воинскими и служилыми людьми, чтобы во всех баталиях неизменную викторию одерживать, капитана нашего драгунского полка, потомственного дворянина Дмитрия Ивановича Павлуцкого! И тебе, голова, в оной партии велю поступать во всем с общего согласия!

Афанасий Шестаков, сгорая от стыда, мало вслушивался в речь губернатора, уяснив для себя лишь то, что к нему назначается капитан Павлуцкий, и не более. Вот только поляков казачий голова не любил крепко, да еще взор капитана ему не совсем не понравился. Смеялся тот явно над казакom; впрочем, что тут поделать, если и вправду смешон! Вскоре Шестаков покинул ассамблею, так и не осознав пока, насколько трагичны для него и всей экспедиции будут её последствия.

В тот день в отличие от Афанасия капитан пребывал в эйфории: губернаторским повелением он назначен старшим офицером! Для Павлуцкого это означало главенство над всей экспедицией, обеспечивающее майорское звание, награды и в дальнейшем службу в гвардии.

Волею обстоятельств, злого умысла, а может просто глупостью конкретных сановитых вельмож два в общем-то достойных человека стали врагами. Отныне твердость характера и смелость, целеустремленность, ум, широта мышления –

качества, присущие обоим – будут направлены на подавление и даже уничтожение друг друга; и как бы они ни старались уберечь экспедицию от своих распрей, эти отношения неминуемо поведут её к гибели.

7

Вечером в избу, где квартировал Шестаков, завалился пьяный Генс. Он и разъяснил казацкому голове суть распоряжения губернатора.

– Не пойму я вас, русских! Что вы за народ! Голова одно велит, руки другое делают, а ноги вообще ундер-деферент. Обошёл вас, сударь, капитан Павлуцкий. Теперь он главный командир экспедиции, а вы при нём помощником состоите.

– Господи! Что же деется!?! – растерялся Шестаков. – Вот ты, штурман, слышал собственными ушами, как адмирал Сиверс величал меня главным начальником всего Камчатского края! Так?

– Так. А может, и не так. Разбирайтесь сами, господа!

После этих слов, что определили его позицию, Генс, пошатываясь, удалился на покой. Голова же глаз не сомкнул, придумывая страшные кары неожиданно объявившимся врагам. Жестокие картины рисовались одна за другой. Но на утро, немного поостыв и рассудив более здраво, решил: «Что же, господин губернатор! Будем играть: сами затеяли. Продолжу-ка разыгрывать роль глупого мужика. Здесь, в То-

больске, пусть ваша возьмёт: а то не ровён час и на дыбу могу угодить. Подождем. Но как до Усть Кутского или Чечюйского острога доберемся, сразу тебя, капитан Павлуцкий, в бараний рог скручу: там губернатора с драгунами нет и никогда не будет! Вы, господа хорошие, ведь тоже понятия не имеете об Якутске и тем паче об Анадыре, а у меня там вся жизнь прошла! Сия экспедиция мною задумана, и я буду ей голова, за это готов жизнь положить!»

Наутро Афанасий Щестаков занялся делами как ни в чём не бывало. Некому более порадеть об экспедиционном хозяйстве. Павлуцкий, кроме батальных дел, ни в чём не смыслит. Счёта, и того не знает, в грамоте вовсе не преуспел, а тут хлопоты о снабжении, снаряжении большой команды! Все надо пересчитать, проверить качество, внести записи в книги. Для Афанасия тут особых трудностей нет: по молодости служил приказчиком в Анадырском остроге.

Неожиданное смирение казачьего головы капитана Павлуцкого удивило до крайности. Не ожидал он столь легкой победы. Долго наблюдал за тем, как проворно Щестаков занимается хозяйственными делами, не стал мешать и без всяких вопросов удалился.

«Способный к хозяйству казак, – отметил про себя капитан. – Я в этих котлах, справе, харчах, что и как хранить, перевозить, ничего не смыслю. Попробую с ним сойтись по хорошему, лишний раз трогать не стану, пусть управляется пока самостоятельно, вплоть до прибытия в Якутск. Да и гу-

бернатор тог же посоветовал».

Так до поры до времени сложилось замирение: в данный момент оно устраивало всех.

Князь Долгоруков успокоился, и стал дожидаться окончания срока губернаторства. Тем более, из столицы стали доходить добрые вести: после кончины императрицы Екатерины I и провозглашения императором малолетнего Петра II, внука Петра Великого, влияние князей Долгоруких при дворе резко пошло вверх. Даже замахнулись на самого Алексашку Меншикова.

А вот наших героев Шестакова и Павлуцкого судьба повязала накрепко; временное замирение более походило на пружину, что затягивалась медленно и поначалу без особого напряжения для того, чтобы в последний момент, когда усилий сдержать её не хватит, придать событиям молниеносный рывок. Рывок такой силы, что распахнёт человеческие души, перевернёт жизнь всех участников экспедиции, поставив героев перед жестоким выбором и внеся новый драматизм в их судьбы.

В конце ноября 1727 года экспедиция Шестакова покинула город Тобольск и по свежему зимнему насту устремилась на восток. Сейчас ее целью был Якутский острог – последняя база перед рывком на Анадырь и Чукотку.

Вторая сотня лет завершается, как русские пребывают в Сибири. Немало городов и острогов поставлено. Но вызывает наибольшее уважение в мире и бесценна для самого необъятных размеров края та транспортная сеть, что охватила всю сибирскую территорию и действует круглый год по расписанию. Лишь на осеннее да весеннее перепутье прерывается её работа.

О Великом сибирском тракте разговор не идёт. Тот ещё формируется и пока только до Тюмени обеспечивает непрерывную транспортную ямщицкую службу. С некоторой натяжкой можно говорить о Томске, но не более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.